

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-6-541-545

Дата принятия рукописи в печать: 30.06.2025 г.

КОРОЛЕВ Сергей Викторович,
д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой
государственного права факультета управления
недвижимостью и права ФГБОУ ВО «Государственный
университет по землеустройству»,
e-mail: sko.05@mail.ru

КОРОЛЕВА Людмила Анатольевна,
старший преподаватель кафедры русского
и иностранных языков факультета кадастра
недвижимости и инфраструктуры
пространственных данных ФГБОУ ВО
«Государственный университет по землеустройству»,
e-mail: misskoroleva01@gmail.com

ХАЛАТЯН Раиса Федоровна,
старший преподаватель кафедры русского и иностранных
языков факультета кадастра недвижимости
и инфраструктуры пространственных данных
ФГБОУ ВО «Государственный университет по землеустройству»,
e-mail: raisa_khalatyan@mail.ru

РИМСКАЯ ЮРИСПРУДЕНЦИЯ В ЛАТИНСКИХ МАКСИМАХ И МЕТАФОРАХ

Аннотация. Соавторы статьи задались целью применить междисциплинарный (юридико-лингвистический) подход к проверке главного тезиса теоретиков метафоры (Орто-ни, Лакоффа и Гиббса и Ковечеса) о том, что метафорическое мышление является универсальным и «всепроникающим». В качестве материала исследования мы избрали максимы и метафоры римских юристов. Неожиданно для себя соавторы обнаружили четкую систематику этих метафор, которые представляют собой иерархию взаимосвязанных норм. Это значит, что исследователь без особого труда может переходить как по вертикали, так и по горизонтали метафорических связей римской юридической мысли. Однако, важной предпосылкой таких переходов является знание базовых идей, лежащих в основе указанной систематики. Сначала мы выявили четыре базовых принципа, но потом обнаружили и самый глубокий из них (см. ниже).

Ключевые слова: максима, метафора, теория метафоры, юридическая метафора, латинская юридическая метафора, Римская юриспруденция, юридическая лингвистика.

KOROLEV Sergey Viktorovich,
Doctor of Law, Professor, Head of the Department
of Public Law, Faculty
of Real Estate Management and Law
, Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education, State University of Land Management

KOROLEVA Lyudmila,
Senior Lecturer at the Department of Russian
and Foreign Languages of the Faculty
of Real Estate Cadastre and
Spatial Data Infrastructure
of the Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education "State University of Land Management"

KHALATYAN Raisa Fedorovna,
Senior Lecturer at the Department of Russian and Foreign Languages
Languages of the Faculty of Real Estate Cadastre
and Spatial Data Infrastructure
Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education "State University of Land Management"

ROMAN JURISPRUDENCE IN LATIN MAXIMS AND METAPHORS

Annotation. *The co-authors set themselves the task to test the main thesis of metaphor theorists concerning the alleged universality and pervasiveness of the so-called metaphor knowledge. In order to test it the co-authors decided to apply the inter-disciplinary approach to special linguistic material, i.e. a selective set of legal metaphors coined by Roman jurists. While analyzing this linguistic «corpus», the co-authors were confronted with an unexpected insight: the point is that all tested metaphors revealed strong systemic ties with other metaphors, including those, which were not initially intended to be analyzed. The co-authors conclude that a researcher of legal Latin metaphors can easily navigate within this systems provided he had spotted the fundamental principles of this systems, including the all-embracing one (see below).*

Key words: *maxim, metaphor, metaphor theory, legal metaphor, Latin legal metaphor, Roman jurisprudence, legal linguistics.*

Для начала следует кратко разобраться со словами «максима» и «метафора». Термин моральной философии «максима» всегда носит прескриптивный характер и представляет собой предельно общий принцип поведения. Под *юридической* «максимой» мы понимаем по возможности краткое высказывание, которое концентрирует (максимизирует) максимум смыслов, возможных коннотаций и аппликаций, т.е. приложений на практике. Термин «метафора», с одной стороны, можно рассматривать как *casus specialis*¹ такой фигуры речи, как «сравнение», где всё различие сосредоточено в слове «как». Например, одно дело сказать «я был, как выжатый лимон» (= сравнение). Другое дело сказать, «она – сущая стерва» (=метафора). Наличие или отсутствие слова «как» всё радикально меняет. Используя сравнение, я остаюсь самим собой и даже вчера, когда я был «как выжатый лимон», я не был лимоном. Здесь в общении с кем-то я просто применил режим уподобления и не более того.

Если же я отбрасываю слово «как» и говорю: «Она – сущая стерва», то я включаю режим транс-идентификации (пере-отождествления) объекта моей метафоры. Я отказываюсь признавать за ней какую-либо иную идентичность, кроме идентичности «сущей стервы». Если моя метафора оказалась успешной, т.е. инфицировала многих других, которые с «ней» общаются, то – в тенденции – «ей» придется либо как-то переломить навязанную ей идентичность, либо приспособиться к ней, т.е. реально СТАТЬ «сущей стервой».

¹ Лат. «специальный случай»

Как утверждает один из классиков теории метафоры Джордж Лакофф: «Сущность метафоры – это понимание (в оригинале: «под-стояние» - under-standing) и переживание (experiencing) одной вещи в терминах другой». [5] Ещё раньше другой классик теории метафоры Эндрю Ортони противопоставляет два способа познания: один характерен для логического позитивизма, признающего только буквальное значение слов; другой отвергает сциентизм и настаивает на приоритете образного мышления, оперирующего метафорами. Согласно Ортони, «центральная идея такого подхода [сводится к мысли], что познание является результатом ментальной конструкции». [7] После Ортони и Лакоффа – не только среди прочих теоретиков метафоры [3] – утвердилась мысль, что все люди (не только ученые) предпочитают метафорический стиль мышления и общения. Однако, для тех, кто знаком с римским правом, идеи Ортони и Лакоффа не представляются как абсолютны новые. Ведь вся римская юриспруденция есть не что иное, как памятники удачных ментальных конструкций и «реконструкций» правил социального взаимодействия субъектов права.

На наш взгляд, есть основания говорить о глубинной юридико - лингвистической систематике римского права. Эта систематика держится на «четырёх китах», а именно на идеях пространства, времени, непрерывности и конечности. Все четыре идеи *объективно* взаимосвязаны, т.е. являются взаимно референтными понятиями. Однако, систематика метафор римских юристов подчиняет эти четыре идеи синтетическому (= объект-субъектному) принципу римского права

«*corpore et animo*». [3] Согласно словарю Блэка в поле зрения римской юриспруденции могло попасть лишь то, что римские юристы могли сконструировать в виде *неразрывной* юридического связи между неким физическим актом, точнее, его объективным результатом (= *corpus*) и внутренним отношением агента к этому результату (= *anima*). [2]

Нередко в метафорах римских юристов могут быть опознаны и реконструированы все четыре идеи. Изящно и даже поэтично все четыре указанных идеи сплетены в метафоре: «*Ecclesia non moritur*» («Церковь не подлежит смерти»). В этой метафоре неразрывно переплелись и тело церкви, и её душа, и остальные четыре идеи римской юриспруденции – (см. выше). А вот другой пример: «*A communi observantia non est recedendum*», что означает: «От общего соблюдения (правила, практики и т.п.) *невместно* отступать». [2] Локационный аспект этой метафоры лежит на поверхности: метафора говорит о том, что «пятиться назад» просто некуда (*non est recedendum*). Локационный аспект одновременно является *терминальным*: метафора формулирует непререкаемое правило и, тем самым, ставит *окончательную* точку над «i». Не составляет труда реконструировать и идею непрерывности, которая конклюдентно присутствует в понятии «общее соблюдение». Говоря же о непрерывности, мы всегда выводим на первый план *темпоральный* аспект предмета обсуждения, т.е. идею времени.

Вышеуказанный универсальный принцип римской юриспруденции «*corpore et animo*» легко опознать в классической римской метафоре: «*Actori incumbit onus probandi*» («на истце лежит бремя доказывания»). [2] Эта фраза ныне воспринимается как тривиальная истина: среди современных юристов мало кто знает о глубинном – сначала *онтологическом* – и лишь потом *гносеологическом* основании этой метафоры. В самом деле, почему эта метафора *онтологически* сфокусирована именно на истце, а не на ответчике?

Римские юристы отвечают на этот вопрос другой метафорой: «*Ei incumbit probatio, qui dicit, non qui negat; cum per rerum naturam factum negantis probatio nulla sit*», [2] что означает: «Над тем довлеет доказывание, кто утверждает, а не над тем, кто отрицает; ведь по природе вещей отрицание фактов не производит никаких доказательств». Поскольку «*ius*» (право) существует и работает ради «*iustitia*» (справедливость), а такая работа реализуется через «*probatio*» (доказывание), то, соответственно, тот, кто утверждает нечто, тем самым берет на себя обязательство

доказывать, что утверждаемый факт реально имел место, свое время и прочие фактические обстоятельства.

Как видим, «*ius*» (право) в процессуальном смысле реализует себя через истца, точнее, через «*probatio*» (доказывание), которое он в состоянии предоставить. Ответчик же в систематике латинских юридических метафор не обременен процедурой «*probatio*» (доказывание) и представляет собой «*la quantité négligible*». ¹ «Задача» ответчика заключается в том, чтобы отрицать всё, что не вмещается в его личные интересы, а для этого не надо много ума; надо лишь быть последовательным в тактике отрицания.

Более того, в систематике латинских юридических метафор истец, с одной стороны, воплощает процессуальный статус, доминирующий над ответчиком. Но, с другой стороны, истец воплощает в действии защиту личного права в качестве её юридической самооценности. Другими словами, истец – это не только *юридико-процессуальное*, но также и *аксиологическое* понятие.

Истец – не только процессуальный мотор тяжбы, истец ещё и воплощение особой, а именно процессуальной ценности под условным названием «единство субъективного и объективного права» (именно в такой последовательности). Соответственно, истец, чтобы добиться судебного решения в свою пользу, должен быть выше подозрений. Прежде всего, ему следовало быть безупречным в юридическом смысле. Иницируя судебный процесс, гражданин Рима - или (ископоспособный) peregrin - навлекал на себя не просто нейтральный статус «потерпевшего», он навлекал на себя статус *совершенного* истца.

Короче говоря, истец – вольно или невольно – претендовал на статус своеобразного юридического перфекциониста: «*Id perfectum est quod ex omnibus suis partibus constat*». [2] Это означает: «Совершенным (перфектным) является то, что состоит из всех своих частей». Таким образом, для римских юристов «совершенство», или «перфектность» было исключительно формальным и - в то же время - материальным (телесным, или «корпусным») понятием. Некая вещь или некое тело (*corpus*) обладают совершенством при условии, что у них нет изъятий, дефектов, т.е. нет недостающих деталей.

Соответственно, в сомнительных процессуальных делах, когда ни одна из сторон не могла опираться на бесспорные факты, тень сомнения (со стороны претора урбануса или претора peregrинуса) ВСЕГДА опорочивала истца, а не ответ-

¹ фр. «величина, достойная пренебрежения»

чика: «*In pari delicto potior est conditio possidentis*», [2] что означает: «При равном (взаимном) изъятии (вине) лучше позиция владельца, (т.е. ответчика, а не истца, претендующего на статус собственника). Причин для такого процессуального предпочтения владельца (ответчика) перед собственником (истцом) несколько: во-первых, правосудие не поощряет небрежность, неаккуратность и, тем более, юридические изъятия у лиц, ищущих судебной защиты. Как мы отмечали выше, истец – в отличие от ответчика – должен быть выше подозрений со стороны правопорядка. С ответчика нечего взять кроме оспариваемой вещи: единственный интерес к нему со стороны правосудия заключается в том, что он является владельцем вещи, которую у него оспаривает истец.

Во-вторых, процессуальная машина в принципе нетороплива, но при этом справедливость по природе вещей не терпит долгих отлагательств. Соответственно, процессуальная машина права еще в Древнем Риме старалась экономить время тем, что не меняло исходную позицию сторон, когда это было возможно. Наличие же фактов взаимного (встречного) деликтного поведения сторон давало претору повод рассматривать деликтного ответчика (фактического владельца) в более выгодном свете, чем деликтного же истца (предполагаемого юридического собственника).

Причина проста и, отчасти, цинична: истец пытался загрузить правосудие сомнительным делом, в котором проявилось морально-юридически предосудительное поведение истца. За это он должен быть наказан тем, что претор отказывает истцу в иске. Если же претор в иске не отказывал и все-таки принимал дело к рассмотрению, то всё равно статус ответчика был в преференции: «*In re dubia, magis inficiatio quam affirmatio intelligenda*», [2] что означает «В сомнительных делах следует больше внимания уделять опровержениям, чем утверждениям». Поскольку ответчик (владелец вещи) заинтересован в том, чтобы по возможности опровергать все утверждения истца (вероятного собственника вещи) и поскольку просто отрицать всегда проще, чем утверждать и доказывать утверждаемое, а также, поскольку сам претор больше внимания уделяет отрицаниям, чем утверждениям, то позиция ответчика *второе* лучше, чем истца.

Итак, для римских юристов человек – это индивидуальное воплощение идеальной матрицы «*corpore et animo*». [2] Напомним, что согласно этой матрице, человек оценивается по тому, *что* он реально совершает, т.е. *какие* физические акты он осуществляет в формате «*corpore*». С другой (внутренней) стороны, человек оценивается по тому, *какие мотивы* им двигают, *какие цели* сво-

ими физическими актами он преследует, и *какие средства* для реализации этих целей он выбирает в формате «*animo*».

На первый взгляд, для римских юристов именно человеческие характеристики должны быть первичными, например, такие, как эмоциональность, спонтанность, импульсивность, депрессия, восторг, зависть, благодарность, подлость, великодушие и т.п. Однако это не так: человеческие характеристики социальных отношений для римских юристов вторичны. Первичными для них являются транс-гуманитарные критерии, например, такие, как математическая идея *баланса*. Транс-гуманитарные идеи служат негативными критериями, или масштабами для юридической оценки «Человеческого, слишком человеческого» [6] в социальном взаимодействии людей.

В самом деле, «баланс» это – идея застывшей равновесности двух математических элементов или систем. Идея «баланса» символизирует пример искусственной статичности неживых объектов. Человек же представляет собой динамику постоянных отклонений от равновесных (биологических, физиологических, психосоматических) состояний. В тот момент, когда эти отклонения становятся несовместимыми с жизнью, человек становится статичным объектом неживой природы.

Итак, идея баланса, казалось бы, отторгает саму идею жизни, непосредственности и спонтанности, но это не так. «Баланс» нужен римскому юристу как критерий для определения коридора юридической допустимости человеческого поведения в формате «*corpore et animo*» (см. выше). Другими словами, только благодаря идее (статического) баланса римский юрист, имеющий дело исключительно с динамикой различных дисбалансов, мог формулировать, например, такие метафоры: «*In contrahenda venditione, ambiguum pactum contra venditorem interpretandum est*», [2] что означает «при заключении договоров купли-продажи двусмысленные соглашения подлежат толкованию не в пользу продавца».

Следовательно, они подлежат толкованию в пользу покупателя. Этот дисбаланс интересов против продавца и в пользу покупателя римский юрист конструирует, как видим, намеренно и, как минимум, по двум основаниям: во-первых, как и истец, продавец является инициатором соответствующего правоотношения (там – это подача искового требования, здесь – это публичная оферта заключить договор купли-продажи). Согласно систематике латинских юридических метафор всякий *инициатор* юридической связи

несет личную ответственность за адекватное оформление этой связи. Соответственно, двусмысленность как изъян договора купли-продажи падает на инициатора, т.е. на продавца, а не на покупателя.

Во-вторых, профессиональный (скажем, оптовый) продавец по природе вещей, т.е. в рамках внедоговорных ситуаций, имеет более солидное имущественное положение, чем значительная часть его актуальных или потенциальных клиентов-покупателей. Другими словами, римский юрист видит этот первичный социальный дисбаланс в пользу продавца и терпит его, но только до поры, пока продавец не пытается в свою пользу ещё более усилить этот дисбаланс посредством двусмысленных положений контракта.

Аналогичная интенция защитить слабую сторону договора лежит и в основе такой(их) метафор(ы), как: «*Dolus versatur in generalibus*», [2] что означает: «лицо, желающее обмануть, оперирует общими понятиями», а также «*Dolus latet in generalibus*», [2] что означает: «Обман таится в обобщенных (недетализированных) понятиях». Ясно, что абстрактные термины радикально расширяют границы толкования договора практически в любом направлении, отвечающим односторонним интересам составителя договора.

В этой связи возникает интересный вопрос о коллизиях между самими юридическими метафорами и максимами. Здесь можно опереться на авторитет Аристотеля. [2] Для него метафора – это не просто эстетическое украшение или изящная, иногда остроумная переформулировка банального (лингвистически затёртого) высказывания. Аристотель рассматривал метафору как инструмент рационального решения между конкурирующими альтернативами. [8]

При таком понимании сущности метафоры мы можем совместить вышеприведенную метафору «*Dolus latet in generalibus*» («обман таится в обобщенных понятиях») с максимой «*Ejus est interpretari cujus est condere*» («тот должен толковать, кто должен запустить в ход»). В контексте договорных отношений можно утверждать, что более сильная сторона и одновременно инициатор будущих отношений по данному договору, например, продавец является тем лицом, который по данной метафоре и обязан «запустить договор в ход». Но при наличии в договоре некоего множества общих понятий толкователь постарается интерпретировать договор так, чтобы «запустить его в ход» с максимальной для себя выгодой и с минимальным учётом интересов покупателя.

Здесь как раз в аристотелевском духе нам на помощь приходит ТРЕТЬЯ максима: «*In*

conventionibus, contrahentium voluntas potius quam verba spectari placuit», [2] что означает: «В соглашениях больше следует рассматривать намерения сторон, а не слова (договора)». По смыслу данной максимы нагромождение абстрактных категорий в тексте договора не спасает лукавого составителя и интерпретатора, так как ни одно из общих понятий нельзя толковать против заявленных намерений противоположной стороны.

Список литературы:

- [1] Aristotle Rhetoric. Translated by W. R. Roberts. In W. D. Ross (ed.), The works of Aristotle (vol. 11). - Oxford: Clarendon Press. - 1952
- [2] Black H.C. Black's Law Dictionary. 6th Edition. - St. Paul (Minn.): West Publishing Company. - 1990
- [3] Gibbs R.W. Jr. The Poetics of Mind. - Cambridge: Cambridge University Press. - 1994
- [4] Kovecses Z. Metaphor: A practical introduction. - New York: Oxford University Press. - 2002
- [5] Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. - London: The University Chicago Press. - 2003
- [6] Nietzsche Fr. Human, All Too Human. A Book for Free Spirits. Transl. by R.J. Hollingdale. - Cambridge: Cambridge University Press. - 1986
- [7] Ortony A. Metaphor, Language, and Thought // Ortony A. (ed.) Metaphor and Thought. Cambridge University Press. - 1993
- [8] Sarra Cl. «Formed out of Fire and Earth» // Medina Morales D., Sanchez Hidalgo A.J. (Coord.) Estudios de Rhetorica Juridica. - 2020

Spisok literatury:

- [1] Aristotle Rhetoric. Translated by W. R. Roberts. In W. D. Ross (ed.), The works of Aristotle (vol. 11). - Oxford: Clarendon Press. - 1952
- [2] Black H.C. Black's Law Dictionary. 6th Edition. - St. Paul (Minn.): West Publishing Company. - 1990
- [3] Gibbs R.W. Jr. The Poetics of Mind. - Cambridge: Cambridge University Press. - 1994
- [4] Kovecses Z. Metaphor: A practical introduction. - New York: Oxford University Press. - 2002
- [5] Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. - London: The University Chicago Press. - 2003
- [6] Nietzsche Fr. Human, All Too Human. A Book for Free Spirits. Transl. by R.J. Hollingdale. - Cambridge: Cambridge University Press. - 1986
- [7] Ortony A. Metaphor, Language, and Thought // Ortony A. (ed.) Metaphor and Thought. Cambridge University Press. - 1993
- [8] Sarra Cl. «Formed out of Fire and Earth» // Medina Morales D., Sanchez Hidalgo A.J. (Coord.) Estudios de Rhetorica Juridica. - 2020